

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Пришлось там побывать в больнице (заболел наш товарищ). Домик тоже из сруба. Чистота. На окнах веселые занавесочки, прямо как дома. Местный врач окончил аспирантуру в Ленинграде. Однако вернулся в родной городок. Завидное постоянство. Жил он далеко за рекой. Мог бы, наверное, устроиться на работу поближе. Но больницу которая была на отшибе, не захотел бросить. И окружающие ценили, любили его. Он отвечал им взаимностью — прекрасно лечил. Такие люди нас окружали. Каждый день мы, актеры, ощущали уважительность и интерес к той работе, которой занимались. И разве один такой случай? Я бы могла привести и другие примеры общения с русскими людьми. Зачем я это рассказываю? Да за тем, чтобы было понятно, из чего складывался мой русский язык.

— **Вия Фрицевна, как я понял, ваше знание русского языка — от желания изучить его, а лучшей практикой явилось общение с русскими людьми. Как же понимать утверждение, которое иногда можно слышать о существующем якобы языковом неравенстве?**

— Утверждать так — значит искусственно раздуть проблему, которой не существует. Никакого языкового неравенства нет и быть не может. Во всяком случае в нашей стране. Никто никого не заставляет учить язык, если он не хочет. А иногда нет условий для его изучения. Это уже совсем другое дело. В этом, я считаю, виновата инертность, порой беспомощность. В самом деле, достаточно ли у нас учебников по латышскому языку, разговорников для всех желающих изучить язык коренной национальности? Да таких книжек днем с огнем не сыщешь! Вот и не складывается для многих иноязычных людей, живущих в республике, свой латышский язык. Такое же положение в Эстонии, да и в других республиках. Только люди со злым умыслом могут говорить о языковом неравенстве.

Но если быть честным, скажу, что нас больно ранит существующая небрежность к нашей культуре. Например, национальные театры Латвии радиофицированы. Это значит, что на спектакль может прийти зритель, не знающий латышского языка, и будет слушать синхронный перевод с любого места в зрительном зале. Вы были в нашем Академическом театре имени Райниса. Многих людей вы видели с наушниками? Почему-то латышши мало ходят к нам. В то же время театр пользуется большим успехом; на спектакли трудно достать билет. Спросите у латышцы, подолгу живущих в республике, кого они знают из деятелей нашей национальной культуры. Назовут имя Паулса, может быть, еще одного-двух деятелей — и все. Это, конечно, обидно, хотя поводом для обиды бывает немало и по другим причинам. Если сказать по-человечески, не раз испытывала в жизни обиды за себя и за своих близких. Приведу лишь один пример. Мой покойный муж Артур Карлович Димитерс, актер драматического театра, долгие годы не пользовался официальным признанием. На беду у него за границей был брат. Этого было достаточно, чтобы постоянно травмировать человека, вызывать в нем чувство своей неполноценности. Он в конце концов получил почетное звание, но это надо было сделать раньше, и он, может быть, достиг бы значительно большего.

Слава богу, мы перешагнули времена подозрительности, и это делает нас свободными не только в выражении наших мыслей и чувств, но и открывает новые возможности для творческого роста.

— **Вы одна из самых известных советских актрис. Как складывалась ваша творческая судьба?**

— Судьба моя сложилась, думается, счастливо. Никто не знает, по какому принципу человек становится актером. Может быть, потому из всех поступающих в театральные учебные заведения в конце концов мало кто становится истинным актером, хотя каждому амбиции не занимать. В этом суровая действительность нашей профессии.

За свою творческую жизнь я сыграла более ста ролей. Какими они были? Конечно, разные. Не ограничивала себя определенным амплуа, играла в драматических, комедийных, романтических спектаклях, изображала нежных и сильных духом героинь. Одни роли приходили, другие уходили. Могу сказать, что прошла великодушную школу у выдающегося режиссера Эдуарда Яновича Смилгиса. Он вырастил меня как актрису. У него все актрисы долгие годы оставались молодыми. Сейчас, когда я обладаю достаточным сценическим опытом, я тем не менее не могла бы сыграть, ну, например, роль Джульетты. Только у юности есть та интуиция и смелость, без которых актриса не может сыграть роль Джульетты. И я убеждена, что повесть о любви двух юных веронцев могут достойно передать только молодые. Вот почему я решительно, без какого-то внутреннего надрыва перешла на возрастные роли. Таковы реальные условия, и с ними нельзя не считаться. Сетовать не приходится. Возраст есть возраст.

— **Вия Фрицевна, можно задать банальный вопрос? Как вы относитесь к своей популярности?**

— У себя в Риге я живу в общем-то спокойно. Редко замечаю, чтобы кто-то смотрел мне вслед. Пообвыкли. Но когда бываю в других городах, то ловлю любопытные взгляды в аэропорту, на улицах, всюду, где приходится бывать. Не знаю, что думают обо мне люди. Наверное — какая я счастливая. Между тем жизнь моя, как и моих коллег, осложнена будничными заботами. Мы от них не отгоро-

жены, и заботы наши весьма прозаичны. Ведь у нас нет служанок, и приходится самой выполнять всякую черновую работу. Как все, хожу в магазины, стою в очередях, ношу тяжелые сумки, и от них отваливаются руки. Вытани их и видишь, как дрожат пальцы.

У меня два внука. Живу на пятом этаже. В доме нет лифта. Когда они были совсем маленькими, мне приходилось поднимать их вместе с коляской по лестнице.

И все же, я знаю, люди из моего окружения мне завидуют. По-всякому. Даже моему женскому счастью. Это прежде всего те, кто только в старости начинает сознавать, как бесцельно прожили жизнь без детей. Надо было в молодости потрудиться, тогда бы не завидовали сейчас.

Может быть, думают, что стоит мне чего-то захотеть, и сразу исполнится. Это жестокое заблуждение. Я заметила ваш недоуменный взгляд, когда увидела у меня дома в одной из комнат обыкновенный таз. Так ведь у меня протекает крыша! Не думайте, что я не обратилась, чтобы починили крышу. Не чинят. Какой же надо быть популярной, чтобы починили крышу над моей головой? Может быть, теперь, если наши чиновники прочитают эти

Вия Артмане:

В чем вы совершенно убеждены...

строки, устыдятся. А может, и нет. Толстокожих чиновников-бюрократов (их пока еще видимо-невидимо на разных уровнях) ничем не проймешь. Недавно я слышала выступление певицы Аллы Пугачевой. Не знаю, как вы, но на меня произвели впечатление ее слова, что ей приходится ездить с кипятильничком. Моя дырявая крыша и этот кипятильничок — звенья одной цепи. Надо говорить не о том, как я отношусь к популярности, а как окружающие ее понимают.

И еще вот что. Я стала замечать, что чем более я преувеличала (если можно так сказать) на сцене, тем больше сопутствовала мне зависть. Да, да, заурадная мелкая зависть. Вот если бы я была менее удачливой и вообще оставалась серенькой (простите, если нарушаю границы скромности), то отношение ко мне было бы иным. Наверное, это всегда бывает со всеми «удачниками». Помню, в записных книжках знаменитого мхатовца Леонида Мироновича Леонидова я нашла такую запись: «В театре больше Сальери, чем Моцартов». В данном случае Сальери — своего рода синоним зависти, недоброжелательности, а порой даже необъяснимой злобы. Бывает, Сальери правит бал и увлекает за собой слабых и нищих духом. Тогда все ниспровергается. Точно и оптимистично выразился Леонид Миронович Леонидов, имея в виду Константина Сергеевича Станиславского: «Какое счастье для нас, актеров, что не Сальери, а Моцарт решил поверить алгеброй гармонии!» И это служит утешением всякий раз, когда сталкиваешься с такой низменной страстью, как зависть.

— **Вам приходилось изображать героинь далеко не привлекательных. С каким чувством вы играете отрицательные персонажи?**

— Конечно, никто не заставляет актера появляться на сцене или на экране в таких ролях. Но сколько существует актерский цех, всегда жила потребность совершать суд над тем, что противостоит человеку. Не так давно я снялась в фильме «Человек свиты», созданном по рассказу Владимира Маяковского на нашей Рижской студии. На мой взгляд, фильм в наши дни звучит остро и актуально. Беру на себя смелость так сказать. И вот прочла в газете отчет о пленуме ЦК Компартии Казахстана. В нем говорилось, что хотя в республике был первый секретарь ЦК, но не он один управлял делами. За него действовали помощник первого секретаря, начальник хозяйственного управления и другие дельцы. Прочитала и чуть не подпрыгнула от радости. Значит, наш фильм попал в точку! Мы как-то привыкли винить в застоющих явлениях семидесятых годов только высшие эшелоны власти, забывая о том, что существовали конкретные исполнители, проводившие в жизнь все самые нелепые поручения. Они творили несправедливые дела, растлевающие действовали на людей. Такова и моя героиня — секретарша некоего очень важного лица, практически управляющая всем учреждением, сама формирующая людей свиты — подхалимов, бюрократов, блудолизвов. О, она совсем не чудовище, напротив, привлекательна, вежлива, воспитанна, «интеллигентна» и от этого еще больше страшна. Страшна и как человек, и как явление. Ну как было не сыграть такую фурию, показать лицемерное существо, прикрытое внешней респектабельностью.

В таком подходе к изображению отрицательного героя я вижу, если хотите, общественный долг актера. Такие роли вызывают к очи-

щению нравов, являются ударной силой воспитания.

— **Вы заговорили о воспитании искусством. Если разобраться, каждая роль решает нравственные вопросы. В этом смысле актер в нашем обществе не может быть чистым жрецом искусства, а является прежде всего общественником, доказывая это своим творчеством и жизнью. Вы можете, Вия Фрицевна, показать это на собственном примере?**

— Сколько себя помню, никогда не отделяла театральную деятельность от общественной работы. Тринадцать лет избиралась секретарем партийного бюро театра. Не скрою, именно эта работа научила меня высказываться по справедливости, отстаивать правду. У нас в республике сейчас много проблем. Конечно, их всегда было предостаточно, но некоторые из них обнажились с такой остротой, что люди всполошились. Как же я могу стоять в стороне, когда совершается, прямо скажем, противозаконие? Впрочем, это я мягко выразилась. Над всеми нами нависла серьезная угроза нашему бытию. В самом деле, кто в нашей стране не знает Юрмалу? Испокоен веку этот прибрежный район был нашей гордостью. А теперь прибавилась и боль за него. Как наваж-

дение, предстала серьезная экологическая опасность. Существующий целлюлозно-бумажный завод, несмотря на правительственные постановления, наращивает мощности. И теперь водная пойма предельно загрязнена. В жаркое летнее время расцветает целый букет патогенных бактерий. Это же конец Юрмале — нашей красавице курорту! Газеты публикуют страстные обличающие статьи, во всех инстанциях принимаются постановления, выносятся решительные резолюции. И — впустую! Как в крыловской басне — заводской Васья слушает, да дело свое черное делает: готовит и открытию новый цех на том же целлюлозном заводе — по производству обоев. Это значит — новый смертельный заряд по курорту, а следовательно, по человеческому здоровью.

Или такой вопрос. Рижанам пытаются навязать строительство метро. Да, в Риге миллион жителей. Да, есть трудности с транспортом. Но намечаемое строительство изменит облик древней Риги. Это горячо, заинтересованно доказывают историки, искусствоведы. Как известно, метростроевцы, при всей героичности их профессии, часто перешагивают через строения, встречающиеся на их пути, не задумываясь, что шагают через камни истории, как выразился академик Д. С. Лихачев. Так вот мы, рижане, не хотим, чтобы разрушались наши камни истории. Даже специалисты доказывают, что грунт города противостоит казан для строительства подобного рода. Но бюрократическая машина запущена, и уже требуется недюжинный заслон, чтобы приостановить то, что противоречит здравому смыслу.

Нет, нет, я не могу быть спокойной и полна решимости не оставаться в стороне. Может, для актрисы это не самый лучший способ самовыражения, но ведь я депутат Верховного Совета.

Кстати, как депутат работала все эти годы в комиссии по культуре. На последней сессии стала членом комиссии по национальным вопросам. Чувствую, что дел у меня здесь прибавится. Все чаще делаются попытки различных западных служб вмешиваться во внутренние дела нашей суверенной Советской республики. Да что говорить, вы, наверное, слышали, что жители некоторых домов Риги находили в своих почтовых ящиках листовки националистического содержания. А в один из дней в милицию по телефону было сообщено о якомы готовящемся взрыве у памятника Свободе. Конечно, все это оказалось лишь провокационными слухами, хотя за рубежом упорно твердили, что в Латвии «ожидаются акты насилия». Кто из нас, советских людей, мог оставаться равнодушным в такой экстремальной ситуации? Хочу сказать, что нам совершенно чужды идеи национализма, — это бесперспективное болото, в которое нас пытаются спихнуть. Мы разбираемся в сущности национализма, проповедующего идеи национального превосходства и национальной исключительности. В нашем народе такая позиция непопулярна. Ни один народ вообще не думает об исключительности. Тут нельзя путать с тем, что называется национальной гордостью. Вопрос этот весьма деликатный, но мы сами здесь что-то упустили. В известной мере с помощью какой-то злой силы утратили вкус к изучению истории, настоящей, а не выдуманной, выхолащенной. И теперь вынуждены признавать, что ни мы, ни тем более наша молодежь не знаем толком истории ни собственной, национальной, ни истории государства российского.

— **Вия Фрицевна, раз вы упомянули молодежь, то скажите, пожалуйста, что вы думаете о современной молодежи.**

— Только хорошо! И если слышно порой ворчание (именно — ворчание!) на нее, то потому, что хотят видеть ее по своему образу и подобию. Но как же это может быть? Времена ведь иные. Вспоминаю, как много лет назад на чердаке нашего деревенского дома нашелся комплект старого-старого журнала. В нем была статья, которая запомнилась, и в ней ругали молодежь. «Какая теперь молодежь» — возмущался позабытый автор. Так говорили о нас. А разве наше поколение чем-либо опозорило себя? И теперь находится голоса, повторяющие старые, забытые песни. Только, думается, они несправедливы. У современной молодежи есть свои принципы, и она готова их отстаивать. Как часто мы их не понимаем. Вот тогда и рождается сила сопротивления. Вычурная порой одежда, прически, манеры — это все, на мой взгляд, лишь внешние атрибуты, выражающие неприятие чужой воли. Молодежь стремится к самостоятельности, а мы навязываем ей свою волю, сдерживаем ее инициативу.

Уже так много писалось и говорилось, что

прежде люди рано созревали и также рано вступали в активную жизнь. Разве в наше время что-либо изменилось? Нет же! Сейчас более чем когда-либо происходит раннее созревание. Всякое искусственное сдерживание этого процесса наносит ущерб государству. Иногда узнаешь: где-то назначили нового директора производства в возрасте тридцати лет. Так умилению этому факту нет конца — ах, какие мы передовые, как мы ценим молодежь — вот какой у нас молодой директор! А на мой взгляд, не умилиться надо, а повсеместно выдвигать молодых. Это должно стать нормой. Мало знают? Ничего, научатся!

Или вот такой вопрос. Мы посылаем молодежь на БАМ, на всякие другие стройки — и это считается признаком доблести. Выходит, работать за пределами республики — героизм. Что же получается, работа в своей республике, родном крае, области — рангом ниже? И не может считаться той же доблестью? Неужели для проявления доблести надо отправляться в тридесять краев? Между тем, мне рассказывала писательница Марина Костенецкая, русская женщина, великолепно владеющая латышским языком и много делающая на ниве благотворительности, именно молодежь с готовностью, бескорыстно отправляется в больницы на самую, что называется, непрестижную работу. А зачастую им не верят, смотря на их благотворительные порывы с подозрительностью. Разве можно молодежь ругать? Ее надо поддерживать, выдвигать, поощрять, ей, наконец, необходимо доверять, верить! Как отец — сыну.

— **Латышский народ, как любой другой народ, славен своими традициями, обычаями, образом жизни. В чем вы видите их неповторимость, пользу?**

— Если честно, то мы потеряли многие свои традиции. Я имею в виду прежде всего национальные обычаи. Прежде в старых домах на лестничных клетках существовали витражи с национальными узорами. Постепенно они исчезли, и боже упаси было заговорить, чтобы их возродили. Раз старое — значит, буржуазное. Чего греха таить, над нами, как дамков меч, всегда висела опасность быть обвиненными в буржуазном национализме. Даже в мелочах.

Традиция. Задумаемся над этим словом. Не мы ее выдумали. Она родилась в далеком прошлом. Почему мы должны быть против того образа жизни, которым жили наши предки? Неужели все так плохо было в их существовании?

Когда-то, еще на памяти нашего поколения, у нас существовали маленькие лавочки. А что,

если я скажу, что с ними было уютней жить? Потом их закрыли, окна забились досками. Дома стали, как слепые. И наш образ жизни явно в чем-то проиграл. А недавно у нас в городе на Красноармейской улице открыли кооперативный магазинчик свежего горячего хлеба. И сразу же старый дом стал таким красивым, милым! Вот как бывает, когда мы имеем возможность вернуться к тому приятному, что, как нам казалось, безвозвратно ушло.

— **Что вас, Вия Фрицевна, особенно волнует сегодня в состоянии театрального дела в республике? Как человека, как актрису, как депутата Верховного Совета?**

— Состояние, а точнее положение театрального дела меня не просто волнует, а скорее тревожит. Ну хотя бы обратиться к тому факту, что в Латвии стало меньше театров. В какой-то мере утеряна традиция, когда театр, а не телевидение был властителем дум. Ведь даже в Москве прежде было больше театров. Благо, появились студии — главным образом молодежные, со своим репертуаром и небольшие по составу. И это обнадеживает. Зачем огромные труппы, где нередко актеры терпят? В небольшом театре актеру интереснее работать. Во всяком случае он больше занят. Для актера это самое главное. Слово «актер» происходит от латинского корня, что означает действующий. Вот почему актер не может быть бездействующим. Если это случается, он глубоко страдает.

Я сказала, что положение театрального дела в нашей республике меня особенно волнует и тревожит. Но это я очень мягко выразилась. Сердце мое изболелось, когда думаю о том положении, в котором оказались наши театры. Не буду говорить о состоянии репертуара, уровня актерского мастерства. Критики делают это лучше меня. Я хочу обратить внимание общественности на условия существования наших театров. Все помещения требуют ремонта. Да они просто в критическом, аварийном состоянии! Конечно, когда зритель приходит в театр, зажигаются хрустальные люстры, и под их светом не видны насущные нужды театра. А те, от кого это зависит, не виняют в существо и смотрят на театр сквозь отраженный хрустальный свет. Да и вообще надо сказать, что руководящих деятелей не увидишь в театре. Не знают они наших спектаклей, и об актерах судят понаслышке. Нет, не интересуются они культурой!

Многие руководящие деятели республики не раз в течение дня проезжают мимо здания, в котором расположился окружной Дом офицеров. Неужели спокойно у них бьется сердце, зная, что это прекрасное здание, построенное еще в XIX веке специально для театра, используется не по назначению? В угоду кому так происходит? Впрочем, скажу, что в Доме офицеров проходят гастроли московских и иных заезжих трупп. Тем самым подчеркивается, что для гастролей в Риге предостается лучшее театральное здание. Это действительно так. Но почему мы сами не можем расположить в этом здании собственный театр? Давно бы это надо было сделать. Однако сквозь толстые стены учреждений, от которых это зависит, не проходит голос общественности. Утешаю себя единственной надеждой: может быть, там, за теми стенами, найдется все же человек с обостренным слухом и справедливым сердцем.

О нуждах наших периферийных театров тоже приходится говорить только с горечью. Более года тому назад снесли, например, здание Валлимерского театра. Я уже не говорю, что коллектив превратился в труппу «на колесах». Через какое количество лет при замедленном темпе строительных работ зрители города Валмиере получат театр? Может быть, это будет при внуках нынешних людей? В городе Резекне тоже может работать театр, но нет для него помещения, да и в Даугавпилсе неизвестно, когда будет восстановлено театральное здание.

И еще о театрах для юного зрителя. Уже 20 лет республиканский кукольный театр взывает о помощи. Но до чего холодные люди работают в нашем Министерстве культуры! Одно из двух — или у них нет собственных детей, или они не считают необходимым воспитание театром детей и юношества. Не могу сказать, что высокие начальники не расточают обещания, не выступают с самыми благими заверениями. Но какая ничтожная цена всех их заверений!

Или такое еще явление. У нас в Риге, как и в других городах страны, строятся новые жилые микрорайоны. Лет 15 тому назад построили, например, район под названием Пурциемс. Но, оказывается, «забыли» и не спланировали в этом весьма густо заселенном и отдаленном от центра районе ни одного кинотеатра. Говорят, что намерены начать строить в 1989 году. Но «намерены» еще не означает действительно строить. И если даже начнут, то когда тысячи людей в отдаленном районе получат возможность не ездить хлебаť киселя за тридцать земель?

Неужели кому-то еще не ясно: если будет больше театров и в столице, и на периферии — культурная традиция, эстетическая задача, воспитательная сфера получат мощный жизненный импульс.

Может быть, я взялась не за свое дело, и мне следовало бы промолчать? Повторюсь: актер — значит действующий — на сцене и в жизни! Вот и надо действительно, активно бороться с негативными явлениями, которые так явно наблюдаются в области культуры. Активно бороться. Я в этом совершенно убеждена...

Беседу вел Дм. БРУДНЫЙ.

Вия Артмане.